

УДК 78.01

А. В. МИХАЙЛОВ О ПРОБЛЕМЕ СЛОВА И МУЗЫКИ

Чигарева Евгения Ивановна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского (г. Москва, РФ). E-mail: echigareva@yandex.ru

В центре внимания автора статьи – размышления о взаимосвязи слова и музыки крупнейшего ученого А. В. Михайлова. А. В. Михайлов – уникальный пример универсального ученого, соединяющего в своем научном творчестве принципы мышления филолога, искусствоведа, переводчика, музыковеда. Комплексность его мышления очень важна для музыкальной науки, которая должна существовать в широком историко-культурном контексте. В статье проблема слова и музыки рассматривается в различных аспектах: слово в музыке (название, возможно – программа, эпиграф, ремарки – «словесные слои, окружающие музыку»); музыка в слове («Музыка как событие в истории слова»), музыкальность литературного произведения, «умолчанное слово» и «умолчанная музыка» (особенно важно в XX веке). Михайлов обращается и к стилистическим параллелям между писателями и музыкантами одной национальной традиции – в основном на материале австрийской литературы и музыки. Затрагивается проблема конкретной музыкальной организации литературного произведения. В статье также идет речь о возрождении сакрального значения молчания, тишины, паузы в музыке последних десятилетий XX века, о роли тайного слова, неслышимой музыки, безмолвия (это связано с понятиями Михайлова «умолчанное слово» и «умолчанная музыка»). Эти работы Михайлова – важный шаг в движении навстречу друг другу двух гуманитарных наук.

Ключевые слова: слово в музыке, музыка в слове, музыкальность литературного произведения, стилистические параллели.

A.V. MIKHAYLOV AND THE ISSUE OF THE WORD AND MUSIC

Chigareva Evgeniya Ivanovna, Dr of Art History, Professor of Department of Theory of Music, Moscow P.I. Tchaikovsky Conservatory (Moscow, Russian Federation). E-mail: echigareva@yandex.ru

The main thrust of this article is reflections on intercommunication between the word and music by man greatly renown A.V. Mikhaylov, a unique scholar with wide range of scientific interests. His creative works reflects him being a master of several branches of humanities, like philology, art criticism, translation activity and musicology. Understanding the complexity of his thinking is very important for music science, which exists, in the large historical-cultural context. In this article, the issue of the word and music is discussed in various aspects, the word in music (a title, possibly a programme, epigraph, remarks as “music enveloped in word layers”); music in the word (“Music as an event in the history of word”), musicality of a piece of literature, “a hidden word” and “a hidden music” (of special significance in the 20th century). Mikhaylov also turns to stylistic parallels between writers and musicians belonging to the same national tradition (largely on the material of Austrian literature and music). The author touches upon an issue of certain music organization of a given literary piece. She also discusses the revival of sacred meaning of silence, quietness, pause in music of the last decades of 20th century, discusses the role of a hidden word, silent music, stillness (ideas related to Mikhaylov’s concepts of “hidden word” and “silent music”). The works by Mikhaylov are a significant step in the direction of moving closer these two branches of humanities.

Keywords: word in music, music in word, musicality of a piece of literature, stylistic parallels.

Александр Викторович Михайлов представляет собой уникальный пример универсального ученого. Окончив в 1961 году романо-германское отделение филологического факультета МГУ, с 1977 по 1981 год он работал в Институте истории искусств (теперь ВНИИ искусствознания) в секторе эстетики, а после его разгона (по идеологическим причинам) – в секторе современного западного искусства. Там он защитил кандидатскую диссертацию по искусствоведению (1978, тема «Творчество и реальность в искусстве романтической эпохи от Фюссли до Вальдмюллера»). Но докторская диссертация, защищенная в 1989 году, была написана на филологическую тему («Диалектика литературной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литературах Европы»). С 1981 до конца жизни (умер в 1995 году) Михайлов работал в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН, возглавляя отдел комплексных теоретических проблем (или другой вариант названия – «Отдел теории литературы»).

Музыку Александр Викторович очень любил и хорошо знал. Хотя он не получил специального музыкального образования, он серьезно (в детстве и отрочестве) занимался частным образом и даже сочинял. В 1990-е годы он читал отдельные лекции и вел факультативные курсы в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского (далее – Консерватория), много общался с музыкантами, и эти связи были очень крепкими. Михайлов неоднократно выступал на музыковедческих конференциях, писал статьи на различные темы, при этом он всегда воспринимал музыку в широком культурном контексте. Показательны, например, темы циклов его лекций: «Музыка глазами филолога», «Музыка в истории культуры», «Герменевтические основания истории культуры», «История всеобщей литературы. Начало и конец европейской литературы». Изданный посмертно в Консерватории сборник музыковедческих статей Михайлова так и был назван: «Музыка в истории культуры» [6].

Таким образом, в научном творчестве Михайлова соединяется несколько специализаций гуманитарной науки: филология, философия, культурология, искусствоведение, музыковедение. Кроме того, он был блистательным переводчиком литературно-художественных и философско-эсте-

тических текстов XVIII–XX веков (Гёте, Гердер, Жан Поль, Гегель, Ницше, Хайдеггер, Ауэрбах, Адорно, М. Вебер, Шеллинг, Бретано). Это давало ему возможность мыслить комплексно, и потому его работы, в частности, по истории музыки, очень важны для музыкальной науки, необходимость включения которой в общий культурный контекст давно очевидна.

Среди многих проблем, встающих в трудах Михайлова, особое место занимает *проблема слова и музыки*, в которой отражены взаимосвязи литературы и музыки. Эта проблема давно привлекает внимание как филологов, так и музыкантов и активно обсуждается в научной литературе. Однако препятствием к ее решению является недостаточная осведомленность о специфике музыки филологов и литературы – музыковедов. Литература и музыка, хотя и имеют много общего (в частности, много общих терминов, однако часто различных по смыслу), но в целом идут параллельно друг другу, стремясь друг к другу, но, как правило, не пересекаясь. Понятно, что Михайлов, являясь профессионалом в каждой из этих областей гуманитарной науки, мог взглянуть на это явление другими глазами. Это новый этап в разработке проблемы «Слово и музыка»; его размышления на эту тему представляют большую ценность.

В 1993 году Александр Викторович организовал конференцию «Слово и музыка» – совместно филологов и музыковедов. Далее конференции стали ежегодными, они проводились в консерватории и были посвящены памяти Михайлова. Этим конференциям прошло семь¹ – с обязательным приглашением филологов². Открывая первую конференцию, Михайлов сделал программный доклад, в котором поставил проблему тесных взаимосвязей музыки и литературы: «Слово и музыка: Музыка как событие в истории слова» [11].

¹ По материалам этих конференций издано два сборника статей [13; 14].

² Теперь эту эстафету подхватил ИМЛИ: благодаря инициативе Л. И. Сазоновой (в настоящее время возглавляющей Отдел теории литературы) здесь каждый год проходят Михайловские чтения (в декабре, ко дню рождения Александра Викторовича). В Михайловских чтениях по сложившейся традиции принимают участие и музыканты.

В значительной мере на материале этого доклада (хотя и не только) я построю свою статью.

Александр Викторович неоднократно высказывал мысль о различии специфики литературы и музыки. Так, например, в лекции, прочитанной в Консерватории 23 ноября 1993 года, он говорит о «конструкции как носителе смысла» [8, с. 717], но при этом подчеркивает, что это явление по-разному проявляет себя в литературе (как вербальном искусстве) и в музыке (невербальном). Поэтому, считает он, «в музыке, начиная с определенного периода очень естественно делать акцент на первом (*конструкция* смысла), а в литературе так же естественно делать акцент на втором (*конструкция смысла*), потому что это другое искусство: оно свой смысл – благодаря тому, что пользуется тем же самым естественным языком, каким пользуемся мы – легко отдает» [8, с. 717–718] (выделено автором. – Е. Ч.).

Аналогичные мысли мы встречаем и в докладе: «Слово языка нацеливается на свою точность, и так начинает осмысляться, а музыке отводится семантическая просторность» [11, с. 22, сноска 4]. Михайлов говорит о *трансгрессивности* музыки, о переходе ее в более широкое *поле смысла*.

Но, тем не менее, Александр Викторович находит тонкие, почти неуловимые связи между музыкой и литературой. Он говорит: «Вот мы знаем, что настоящий смысл музыки непереводим на слова. И это все же не освобождает нас от необходимости все снова и снова подходить и подбираться к музыке со словами. Музыка, как говорю я, внутри себя установлена, или уставлена на слово и в направлении его. Музыка окружена многими слоями слов, причем встает проблема изучения устройства этих слоев в историко-культурном разрезе. *Музыка внутри себя установлена или уставлена на слово и в направлении его*» [11, с. 10–11] (курсив мой. – Е. Ч.).

Какую же роль в музыке играет слово? Самую разнообразную: это и программа, выраженная словесно, и название, и эпиграф, если он есть (например, Фантазия до мажор Шумана – стихотворение Ф. Шлегеля), и даже ремарки.

Михайлов придавал большое значение изучению этих *словесных слоев, окружающих музыку*. У него есть серьезная работа, так и оставшаяся в рукописи (около 100 страниц) «Об обозначениях

и наименованиях в нотных записях А. Н. Скрябина». Только небольшая ее часть была опубликована в Нижегородском скрябинском альманахе [7]. Там, например, есть такая мысль: «Проблема именованности произведения в целом, проблема “заглавия” и его статуса относится к числу наименее разработанных во всей теории, почти даже не затронутых, и... в музыке эта проблема по некоторым причинам приобретает еще дополнительную нагрузку и теоретический интерес, даже и по сравнению с теорией литературы»³ [7, с. 123]. В черновых набросках к циклу лекций, который Михайлов прочел в Консерватории («О том, что в музыке») есть схема, отражающая окружение музыкального произведения различными слоями словесных наименований и обозначений – имен (см. рис. 1).

Вот мысль Михайлова, которую можно считать комментарием к этой схеме: «Музыка... вообще не обходится без слова как слова *именующего* нечто в ней. И, напротив, всякое слово, с самого начала “привязанное” вот к такой-то музыке, с самого начала с ней сопрягшееся – и так, начиная с ее *заглавия* (каковое вполне может быть при этом и случайным), – есть существенный и сущностный способ ее *самообнаружения*... и ее *смыслообнаружения* (что, однако, вовсе не значит, что посредством такого слова-именования музыка “*само*” *обнаруживается* в своей полноте и адекватности и что “*смысл*” *также обнаруживается полностью и адекватно*» [7, с. 120] (курсив автора. – Е. Ч.).

Итак, это *слово в музыке. А музыка в слове?* По мнению Михайлова, «слово тоже уставлено, или установлено на музыку... оно изнутри самого себя, если рассматривать дело в историко-культурном разрезе, имеет в виду музыку как свою же, слова, конечную *запечатленность* внутри создаемого им *смысла*» [11, с. 13] (курсив автора. – Е. Ч.).

А в другом месте доклада Александр Викторович высказался еще более определенно:

³ Этой проблеме была посвящена диссертация (к сожалению, неосуществленная) Л. М. Кудиновой, безвременно ушедшей из жизни (1954–2010), которую она предполагала писать под руководством А. В. Михайлова (с его согласия). Болезнь и преждевременная смерть не дали ей возможности закончить эту работу, но у нее есть публикации (см., например [2; 3]).

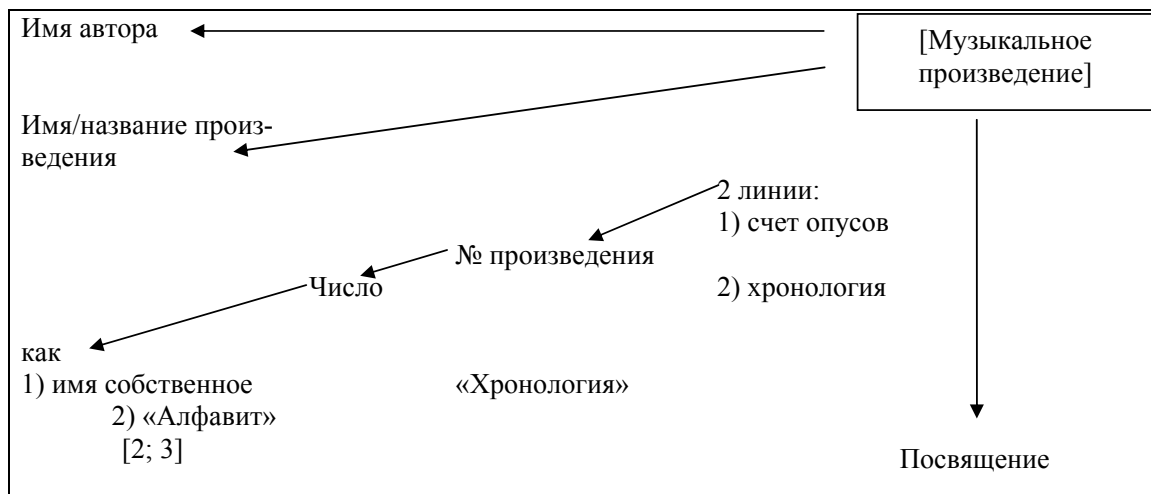

Рисунок 1. Слои словесных наименований и обозначений – имен музыкального произведения

«Во всяком таком словесном создании, в котором мы усматриваем музыкальный смысл, смысл, невыразимый словами... над- и засловесный смысл, какой, в нашем разумении – с той поры, как такие смыслы были открыты культурой и были “отпущены” из сферы слова и в “за” словесную, или в “за” словную сферу музыки, – и сопоставим с музыкой» [11, с. 14].

Как уже говорилось, в трудах Михайлова музыка выступает не изолированно, но в историко-культурном контексте, в соотношении с другими видами искусства. Так в его исследованиях возникают *параллели*: в первую очередь это касается литературы и музыки. Именно в этих параллелях исследователь выявляет специфику австрийского искусства – ключевая тема его научного творчества.

Одна из наиболее устойчивых параллелей, встречающихся во многих работах Михайлова, – это *Антон Брукнер – Адальберт Штифтер*. Их близость обусловлена именно особенностями австрийской культуры: «Колоссальные просторы брукнеровских симфоний и штифтеровских поздних романов исподволь готовились в австрийской культуре – у самого же Штифтера, в музыке у Шуберта, в драме у Грильпарцера... В них вместе с освоением, в новом духе, душевного мира человека сосредотачивается, накапливается то, что можно было бы назвать *пафосом пребывания при истине, при красоте*» [5, с. 17] (курсив мой. – Е. Ч.).

Другие параллели. *Рихард Штраус – Гуго фон Гофмансталь*, параллель тем более естественная, что, как известно, Р. Штраус писал оперы на тексты Г. фон Гофмансталя.

Обращаясь при этом к «австрийскому духу» в его «внешнем» проявлении («культурная *поверхность* Австрии и Вены, ее атмосфера и ее “аромат”»), Михайлов рассматривает феномен вальса в его историко-культурном движении: источник – «талантливые вальсы Иоганна Штрауса как первый предмет экспорта и массового потребления». И далее претворение его в творчестве Рихарда Штрауса: «Когда Гуго фон Гофмансталь и Рихард Штраус создают “Кавалера роз” (1911), тут, *естественно*, штраусовский тип вальса, преображенный и художественно усиленный, укрепленный южнонемецкой, баварской самозабвенной чувственностью и размахистостью всемогущего композитора – творца, выступает как язык вечной красоты» [5, с. 15].

Австрийским композиторам Михайлов противопоставляет немецкого композитора – Вагнера, творчество которого имеет совершенно иную природу: «музыка – сейсмометр времени» [4, с. 176]. Упомянув распространенную аналогию между «Кольцом нибелунга» Вагнера и «Рюгон-Маккарами» Э. Золя, он обращает внимание и на их различие: «сопоставление ничем более не оправданное, кроме места произведений в истории культуры своих стран» [4, с. 176]. При

этом он привлекает также философию Ницше и замечает: «Ницшевский “восход нигилизма” стоит между вагнеровскими “сумерками богов” и шпенглеровским “закатом Европы” – между двумя терминами, в которых старая Европа осознала свою гибель. Вместо гегелевского “конца” – “помрачение искусства»» [9, с. 244].

И тут возникает еще одна фигура истинно австрийского композитора – Густава Малера. О нем Михайлов пишет: «...Тенденции “австрийского духа” и традиции вагнеровских “сумерек истории” лежат в разных плоскостях; австрийская культура на рубеже веков еще была слишком непосредственной и здоровой, чтобы на вершинах своих экстазов создавать еще такие гимны веры и вселенского человеколюбия, как VIII симфония Малера с ее венски-барочным финалом – образом совершенного миропорядка – второго “Фауста” Гёте» [9, с. 261]. Параллель Малер – Гёте в данном случае вполне уместна, так как в Восьмой симфонии использован текст из второй части «Фауста». Так, в этих параллелях устанавливается как близость литературы и музыки (на мировоззренческом уровне), так и их различие (в русле национальных культурных традиций).

Прямое проявление связи слова и музыки – музыкальность литературных произведений, о которой много пишут и филологи, и музыковеды. Михайлов тоже касается этой проблемы, замечая, что музыкальность литературы, которую мы ощущаем интуитивно, безусловно, существует. Но он занимает здесь особую позицию, по сравнению со многими исследователями (особенно филологами), которые пытаются рассматривать композицию произведения непосредственно с точки зрения музыкальных закономерностей. Так, они обнаруживают в литературных произведениях сонатную форму (чаще всего), иногда вариации, циклическую. А музыковед О. В. Соколов, например, в статье «Соната или поэма?» видит во многих примерах – в частности, в новелле А. П. Чехова «Ариадна», поэмную форму [13]. Однако представляется несколько прямолинейным обнаружение в литературе таких специфически музыкальных форм.

Об этой опасности предупреждает и Михайлов. Приведу большую цитату из доклада Александра Викторовича: «...Когда ищут соответствий между музыкально построенными литературными созданиями и так называемыми музыкальными “формами”, необходимо в самую первую очередь

учитывать условность музыковедческого понятия “форма”: его явную неполноту и однобокость, и сопоставлять строение “музыкальных” созданий не с учитываемыми в курсе музыкальных “форм” способами построения целого, и непременно нужно от таких “форм” восходить на некоторый более высокий уровень – тот, где между построением *смысла в его полноте*, соответственно в литературных/поэтических и музыкальных произведениях, будут выявляться действительно оправданные параллелизмы внутреннего свойства. Задача не в том, чтобы думать, что литературное произведение может быть построено как соната или как fuga, а в том, чтобы рассмотреть некоторое общее порождающее “форму” в одном и в другом случае начало» [11, с. 14] (курсив автора. – Е. Ч.).

В бытии и литературы, и музыки Александр Викторович находит еще одну важную общую черту. В слове он видит три состояния: слово «в его *дословном* состоянии; слово в его привычном нам состоянии, каким знаем мы его по языку и его продуктам, и, наконец, слово, уходящее вовнутрь таких своих воплощений, которые уже не могут, собственно, прозвучать для нас, подобно стенам, построенным звуками лиры Амфиона» [11, с. 17–18]. «Так это и в музыке, – развивает свою мысль Михайлов, – хотя слышать мы можем, а потому и слушать станем, только лишь ту музыку, которая слышна, но теперь мы из опыта развернувшегося на наших глазах – на наших ушах – движения музыки знаем, что музыка простирается далеко в область неслышимого. Точно так и слово простирается в область нечитаемого и непроизносимого, где существует в различных своих состояниях, предваряющих и завершающих доступную нам естественность слова» [11, с. 17] (курсив автора. – Е. Ч.). Отсюда идея «*умолчанного*», «*скраденного*» слова и «*умолчанной*», «*скрытой музыки*» (любимая идея Михайлова).

Особенно этот феномен характерен для искусства XX века, когда «молчание стало осмысливаться как определенная манифестация слова» [11, с. 19].

Начнем с того, что умолчанное слово может быть и в самом музыкальном произведении: это темы-монограммы, темы-символы, шифры, риторические фигуры, наконец, псалмы, музыка которых, как известно, не сохранилась [17] и т. д.

Активизация этих явлений в XX веке связана с поиском новой выразительности, тех особых ее форм, которые могут быть наполнены самым различным смыслом – от религиозной медитации до игровой ситуации, тяготеющей к инструментальному театру.

О возрождении *сакрального значения молчания, тишины*, паузы в музыке последних десятилетий XX века, о роли тайного слова, неслышимой музыки, безмолвия пишут, например, И. А. Барсова [1] С. И. Савенко [12] в связи с творчеством Гии Канчели (Его Молитвы – Утренняя, Дневная, Вечерняя, Ночная), Александра Кнайфеля (Agnus Dei), Арво Пярта (стиль Tintinnabuli).

Возможна скрытая подтекстовка: текст, не выписанный в партитуре, но подразумевающийся. Примеры (на основании свидетельства композиторов, авторов музыки): Первая симфония А. Локшина, «Реквием», в его первой части есть тема, ритм которой соответствует тексту *Requiem aeternam*, Вторая симфония А. Шнитке, пятая часть, тема у гобоя д'амур («*Benedictus Dominus Deus*»).

Еще один пример зашифрованного смысла. *Хорал как символ, как выразитель скрытого смысла в немецко-австрийской музыке*. В одной из своих статей Александр Викторович ссылается на Скрипичный концерт Альбана Берга, в котором приведена цитата из Кантаты Баха № 60 – в свою очередь Бах здесь цитирует протестантский хорал («Довольно! Господи, если тебе угодно, отпусти меня...»). Такой текст не случаен: концерт был посвящен памяти девушки, дочери друзей Берга, скончавшейся совсем юной. В нем есть подзаголовок «Памяти ангела». Текст хорала подписан под партией солирующей скрипки (это как бы человеческий голос!), но, естественно, не поется и не произносится. «Выписанные в партитуре слова хорала должны так или иначе, не прямо, но косвенно, дойти до сознания слушателя, стать элементом целостного смысла всей вещи», – пишет Александр Викторович и далее расшифровывает свою мысль так: «Одинокий человек – в своих надеждах на прочность запечатленного словом смысла» [10, с. 262].

Ну, а что же такое «*умолчанная музыка*»?

В апрельском цикле лекций (1995) «О том, что в музыке» в качестве особенно яркого примера «умолчанной музыки» Михайлов приводит «4'33''» Кейджа. Как мы знаем, эта «пье-

са» – молчание вместо музыки, которое длится 4 минуты 33 секунды – один из многочисленных экспериментов Джона Кейджа, весьма характерный в целом для музыки XX века. Мне вспоминается, что я была на премьере этого «сочинения». Никто не знал, чего им ждать. И вот пианист (это был Алексей Любимов) вышел на сцену, поставил на пюпитр ноты и сел за инструмент. Сначала в зале была напряженная тишина, потом стали слышны перешептывания и даже смешки, но пианист невозмутимо сидел за роялем положенные 4 минуты 33 секунды⁴, периодически перелистывая ноты (в сочинении 3 части). Надо сказать, что реакция публики тогда была неоднозначной, хотя теперь такими экспериментами никого не удивишь.

В этом «произведении», в котором многие усматривают шутку, некий эпатаж, Александр Викторович находит глубокий философский смысл. Он рассматривает этот опус с точки зрения различных категорий, о которых он говорит в этих лекциях: художественная целостность, логика в музыке, онтологический статус музыкального произведения, «то, что в музыке» (в этом случае он замечает: здесь «слова “то, что” воспроизводят некий жест» [14, с. 30]). И вот вывод: «Преодолевается опусность музыки, но не преодолевается “то, что”. Нельзя создать ничего бессмысленного и нецелого» [14, с. 30].

Отношение Михайлова к современной музыке отнюдь не было негативным. В тех экспериментах, которые так были характерны для второй половины – конца XX века, в том, что происходило в *новой* музыке, он всегда видел *глубокие онтологические основания*, размышлял над этим, искал и находил то особенное, что приносит музыку последних лет. «Новый универсум возникает на наших глазах – за счет реальной чувственной природы музыки» [14, с. 32], – замечает он. В пьесе Кейджа Александр Викторович видел и особую логику, и целостность. В лекции (18 апреля 1995 года) он заметил: «Логика может быть находима, если представить себе это произведение как звено в истории музыки. Произведение Кейджа 4' 33'' (то есть не перформанс, а молчание) черпает свою логику – в своем же целом, временно-пространственном или пространственно-временном целом» [14, с. 29].

⁴ Эти цифры связаны с тем, что простая (не долгоиграющая) пластика длится 4 мин. 33 сек.

В заключение еще раз вернусь к той особой роли, которую сыграл А. В. Михайлов в движении навстречу друг другу литературоведения и музыкальной науки.

Музыковеды и раньше обращались к трудам филологов, и это многое давало для понимания

общего процесса развития искусств. Но только Александр Викторович, изнутри зная специфику музыки, владея ею, заговорил о ней на общегуманитарном языке. И это важный шаг в столь важной для современной науки тенденции – создании *единого гуманитарного знания*.

Литература

1. Барсова И. А. Музыка. Слово. Безмолвие // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Чигарева Е. И., Царева Е. М., Петров Д. Р. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
2. Кудинова Л. М. Литературоведческие и лингвистические термины в названиях музыкальных произведений XX века // Имя в литературном произведении: художественная семантика: сб. ст. / отв. ред. Л. И. Сазонова. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 504 с.
3. Кудинова Л. М. Название в музыке (к постановке проблемы) // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
4. Михайлов А. В. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // Михайлов А. Избр.: феноменология австрийской культуры. – М.; СПб. / глав. ред. С. Я. Левит. – Центр гуманитар. инициатив, 2009. – 392 с.
5. Михайлов А. В. Из источника великой культуры // Михайлов А. Избр.: феноменология австрийской культуры. глав. ред. С. Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2009. – 392 с.
6. Михайлов А. В. Музыка в истории культуры. Избр. ст. / Е. И. Чигарева (ред.-сост.), О. В. Лосева, Е. М. Царева, В. С. Ценова. – М.: Москов. гос. консерватория, 1998. – 263 с.
7. Михайлов А. В. Об обозначениях и наименованиях в нотных записях А. Н. Скрябина // Нижегород. скрябин. альм. – Нижний Новгород: Нижегород. ярмарка, 1995.
8. Михайлов А. В. Обратный перевод / сост. Д. Р. Петрова и С. Ю. Хурумова. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 852 с.
9. Михайлов А. В. Отчаяние и надежда: (Из истории австрийского экспрессионизма) // Михайлов А. Избр.: феноменология австрийской культуры / глав. ред. Левит С. Я. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2009. – 392 с.
10. Михайлов А. В. Проблема характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка // Михайлов А. В. Языки культуры / ред. совет: В. И. Бахмин, Я. М. Бергер, Е. Ю. Гениева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 912 с.
11. Михайлов А. В. Слово и музыка: музыка как событие в истории слова // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
12. Савенко С. *Musica sacra Арво Пярта* // Музыка из бывшего СССР: сб. ст. / ред.-сост. В. Ценова. – М.: Композитор, 1996. – Вып. 2. – 336 с.
13. Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
14. Слово и музыка: мат-лы науч. конф. памяти А. В. Михайлова / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2008. – Вып. 2. – 255 с.
15. Соколов О. В. Соната или поэма? // Слово и музыка: мат-лы науч. конф. памяти А. В. Михайлова / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2008. – Вып. 2. – 255 с.
16. Чигарева Е. И. «О том, что в музыке» (по лекциям и наброскам А. В. Михайлова) // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.
17. Чистяков Г., свящ. Немая музыка псалмов // Слово и музыка. Памяти А. В. Михайлова: мат-лы науч. конф.: сб. ст. / ред.-сост.: Е. И. Чигарева, Е. М. Царева, Д. Р. Петров. – М.: Москов. консерватория, 2002. – 358 с.

References

1. Barsova I.A. Muzyka. Slovo. Bezmolvie [Music. Word. Silence]. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova: materialy nauchnykh konferentsiy* [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).

2. Kudinova L.M. Literaturovedcheskie i lingvisticheskie terminy v nazvaniyakh muzykal'nykh proizvedeniy XX veka [Literary and linguistic terms in titles of musical works of the twentieth century]. *Imya v literaturnom proizvedenii: khudozhestvennaya semantika [The Name in a literary work: literary semantics]*. Ed. Sazonova L.I. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015. 504 p. (In Russ.).
3. Kudinova L.M. Nazvanie v muzyke (k postanovke problemy) [Name in music (problem statement)]. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova Materialy nauchnykh konferentsiy [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
4. Mikhaylov A.V. Varianty epicheskogo stilya v literaturakh Avstrii i Germanii [The options of epic style in the literatures of Austria and Germany]. *Mikhaylov A.V. Izbrannoe: fenomenologiya avstriyskoy kul'tury [Favorites: phenomenology of Austrian culture]*. Ed. S.Ya. Levit. Moscow, St. Petersburg. Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2009. 392 p. (In Russ.).
5. Mikhaylov A.V. Iz istochnika velikoy kul'tury [From the source of a great culture]. *Mikhaylov A. Izbrannoe: fenomenologiya avstriyskoy kul'tury [Favorites: phenomenology of Austrian culture]*. Moscow, St. Petersburg. Ed. S.Ya. Levit. Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2009. 392 p. (In Russ.).
6. Mikhaylov A.V. *Muzyka v istorii kul'tury. Izbrannye stat'i [Music in the history of culture. Selected articles]*. Ed. E.I. Chigareva, O.V. Loseva, E.M. Tsareva, V.S. Tsenova. Moscow, Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya Publ., 1998. 263 p. (In Russ.).
7. Mikhaylov A.V. Ob oboznacheniyakh i naimenovaniyakh v notnykh zapisyakh A. N. Skryabina [About the marks and names in music records A. N. Scriabin]. *Nizhegorodskiy skryabinskiy al'manakh [Nizhny Novgorod Scriabin's almanac]*. N. Novgorod, Nizhegorodskaya yarmarka Publ., 1995, iss. 1, pp. 121-149. (In Russ.).
8. Mikhaylov A.V. *Obratnyy perevod [Reverse translation]*. Ed. D.R. Petrova i S. Yu. Khurumova. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 852 p. (In Russ.).
9. Mikhaylov A.V. Otchayanie i nadezhda: (Iz istorii avstriyskogo ekspressionizma) [Despair and hope (From the history of Austrian expressionism)]. *Mikhaylov A. Izbrannoe: fenomenologiya avstriyskoy kul'tury [Favorites: phenomenology of Austrian culture]*. Ed. S.Ya. Levit. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Publ., 2009. 392 p. (In Russ.).
10. Mikhaylov A.V. Problema kharaktera v iskusstve: zhivopis', skul'ptura, muzyka [The problem of nature in art: painting, sculpture, music]. *Mikhaylov A. V. Yazyki kul'tury [Languages of culture]*. Ed. V.I. Bakhmin, Ya.M. Berger, E. Yu. Genieva, G.G. Diligenskiy, V.D. Shadrikov. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 912 p. (In Russ.).
11. Mikhaylov A.V. Slovo i muzyka kak sobytie v istorii slova [Word and music: music as an event in the history of the word]. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova. Materialy nauchnykh konferentsiy [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
12. Savenko S. Musica sacra Arvo Pyarta [Music sacra Arvo Pärt]. *Muzyka iz byvshego SSSR [Music from the former USSR]*. Ed. V. Tsenova. Moscow, Kompozitor Publ., 1996, vol. 2. 336 p. (In Russ.).
13. *Slovo i muzyka. Pamyati A.V. Mikhaylova: materialy nauchnoy konferentsii [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
14. *Slovo i muzyka. Pamyati A. V. Mikhaylova: materialy nauchnoy konferentsii [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2008, vol. 2. 255 p. (In Russ.).
15. Sokolov O.V. Sonata ili poema? [Sonata or poem?]. *Slovo i muzyka: materialy nauchnykh konferentsiy pamyati A.V. Mikhaylova [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2008, vol. 2. 225 p. (In Russ.).
16. Chigareva E.I. "O tom, chto v muzyke" (po lektsiyam i nabroskam A.V. Mikhaylova) ["That music" (lecture and outline A.V. Mikhailov)]. *Slovo i muzyka. Materialy nauchnykh konferentsiy pamyati A.V. Mikhaylova [Word and music. The Memory of A.V. Mikhailov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).
17. Chistyakov G. Svyashch. Nemaya muzyka psalmov [Mute music of the Psalms]. *Slovo i muzyka. Materialy nauchnykh konferentsiy pamyati A.V. Mikhaylova [Word and music. The Memory of A.V. Mikhaylov. The materials of scientific conferences]*. Ed. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. Moscow, Moskovskaya konservatoriya Publ., 2002. 358 p. (In Russ.).